

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? ¹

Латион С.

Уже очевидно, что присутствие мусульман и ислама в Европе — это не новое явление и не ситуация, которая могла бы разрешиться сама собой с течением времени. Мусульмане — часть европейского общества, что выражается как в их количестве (более 12 млн в Западной Европе²), так и в том, что большинство из них являются гражданами стран Европейского союза. Исходя из этого, европейское общество должно выработать механизмы интеграции этой новой мусульманской составляющей, для достижения чего необходимо отказаться от взаимных предрассудков и страхов и начать диалог во имя становления европейского общества — плюралистического и уважающего культурные и религиозные различия. Однако не будем забывать, что большую часть европейской мусульманской общины составляют «непрактикующие» мусульмане, хотя многочисленны и те, кто соблюдает пост в Рамадан или отмечает праздник Жертвоприношения (Идаль-Адха). Они необязательно осознают себя в рамках интересующей нас тенденции. Нам представляется весьма важным особо подчеркнуть, что это — специфический дискурс, поддерживаемый «мусульманскими активистами»³, которых иные считают «исламистами» и «фундаменталистами». Уважая европейское законодательство, мусульманские активисты отстаивают свою ис-

ламскую идентичность. Они рассматривают себя одновременно и как мусульмане, и как французы, англичане или швейцарцы, не усматривая в этом конфликта интересов. Перед ними, в отличие от поколения 1980-х, не стоит проблема отрыва от своих корней. Молодые европейские мусульмане хотят жить в Европе, придерживаясь своих религиозных убеждений и пользуясь привилегиями полиэтничного общества. Они говорят:

«Я — часть поколения, которое пользуется наибольшими возможностями жить, придерживаясь установлений своей веры. Я недолго колебался в вопросе определения моей идентичности — ведь я родился во Франции в мусульманской семье, которая меня воспитала в духе ислама. Я люблю обсуждать эти проблемы с французами немусульманами, потому что таким образом они узнают, кто я на самом деле. Мы должны встречаться больше и чаще. Только таким образом ценность нашего культурного наследия будет признана»⁴.

С другой стороны, как отмечает Фархад Хосрохавар⁵, «насколько движение берегов 1980-х гг. было выражением желания интеграции, настолько исламизация — это констатация невозможности интеграции, но для большинства представителей общин, с которыми мы говорили, быть хорошим мусульманином означает быть хорошим гражданином». И, как замечает Лейла Бабес⁶, «это не потому, что интеграция не является девизом молодых мусульман, но потому, что в реальности интеграции нет». Это замечание подтверждается многочисленными свидетельствами: «Я был яростным борцом движения против расизма до того момента, когда я понял, что я требую культурной ассимиляции, потому что это было лучшим способом быть принятым во французское общество. То есть это означало, что тем самым я перечеркну мою историю только для того чтобы быть причастным к истории моих дру-

1 Сотрудничество с CRE («Комитетом за равноправие») городскими властями Лейстера и центром изучения истории религий Лейстерского университета за успешную инициативу было удостоено высшего диплома «за плюрализм и культурную идентичность».

2 Мы не располагаем точными цифрами, так как в последних опросах не фигурировал вопрос о религиозной принадлежности. Тем не менее существуют приблизительные оценки национальных институтов статистики и посвященные этой теме отдельные исследования, такие как, например, вышедший в специальном номере «Jeune Afrique» (№ 1879, 8-14 janvier 1997) материал, озаглавленный «Настоящее лицо ислама» или статья Ф. Ламана (F. Lamand) «Entre insertion et exclusion», а также материалы в «Time» за декабрь 2001 г. (vol. 158, № 26. P. 46-47).

3 Под «мусульманскими активистами» здесь мы подразумеваем людей, знающих принципы ислама, соблюдающих религиозные предписания, занимающих активную общественную позицию и выступающих за плюрализм и солидарность.

4 Branine N. Identité musulmane: entre appartenance et référence // Islam de France. 1998. № 1. P. 87.

5 Khosrokhavar F. L'universel abstrait, le politique et la construction de l'islamisme comme forme d'altérité // Une société fragmentée? Le multiculturalisme en débat. P.: La Découverte, 1996. P. 136.

6 Babes L. L'Islam positif. P.: La Découverte, 1997. P. 136.

зей-французов. Это мне кажется несправедливым. Сейчас я подчеркиваю мое отличие от них, и это единственный способ подчеркнуть мою сущность во Франции. И я хочу, чтобы меня уважали как молодого мусульманина»⁷.

«МУСУЛЬМАНСКИЕ АКТИВИСТЫ»

Отправной точкой нашего исследования является факт существования мусульман, которые стремятся к конструктивному диалогу. Несмотря на разницу в происхождении, биографии и социальном окружении, их, возможно, объединяет общий дискурс, касающийся Корана и профетической традиции и имеющий целью выработать в европейском контексте исламское право (фикх), соответствующее обществу, в котором они живут. Мы хотим показать на конкретных примерах, что у мусульманских активистов существует реальное желание участвовать в развитии общества, к которому они принадлежат. Как бы ни казалась эта идея преждевременной, мы хотели бы продемонстрировать, что ислам может быть фактором интеграции для молодых мусульман, рожденных и выросших в Европе. Этот ход мыслей, унаследованный от очень активного в мусульманском мире с конца XIX по 40-е гг. XX в. реформистского движения, находит свои «европейские» отклики в произведениях таких мыслителей, как Ф. Эсак, К. Ганнуши, Ю. ал-Карадави, К. Мурад, Х. Али Надви и Т. Рамадана. И вот уже много лет эта тенденция становится все более и более явной как в самом сердце европейской мусульманской общины, так и в работах, ставящих проблемы ислама в Европе; она проявляется и среди практикующих членов общины. Это влияние подтверждается полемическим исследованием, которое мы провели осенью 1998 и весной 1997 г.⁸

Мы отбирали респондентов среди мусульманских активистов, пользующихся наибольшим авторитетом в общине (около 30 интервью)⁹, руководствуясь четырьмя критериями. Первый кри-

терий — это их значимость в локальной общине практикующих мусульман, будь то мечеть, исламский центр, культурная ассоциация, лекторий или любое другое место встреч (необходимо иметь в виду, что знаменитости, — какими, например, являются во Франции певец Халед и футболист Зидан, — имеют значительно большее влияние, чем главы общин, какими бы компетентными они ни были). Вторым критерием основан на национальной значимости дискурса (даже если деятельность этих авторитетов носит локальный характер) и на глобальном восприятии их присутствия в обществе и результатах этого. Третий элемент представляет собой концепцию социальной исламской активности; отношение к трансцендентному, не только в вертикальном измерении (духовном и индивидуальном), но и в горизонтальном, земном измерении, выражающемся в отношении к окружающим. Так же мы учитывали то, что интерпретация исламских источников через европейскую призму придает этому дискурсу европейский характер, учитывая тот контекст, в котором формируется этот дискурс. Поскольку возраст и происхождение не были основными критериями при отборе респондентов, мы старались отразить все разнообразие мусульман, присутствующих в Европе (арабы, турки, пакистанцы, новообращенные мусульмане).

Мы исключили из нашего исследования суфийские течения, несмотря на то, что они имеют довольно значительное влияние в Европе, в особенности среди выходцев из Турции, Албании, Черной Африки, а также новообращенных мусульман. Но с точки зрения их веса в общине и общей социальной активности они не отвечают критериям нашего исследования¹⁰. Наше исследование построено на встречах и интервью с общинными лидерами, представителями мусульманской интеллектуальной элиты, активно занимающимися общественной деятельностью как внутри общины, так и вне ее. Тем не менее цель нашего исследования состояла в выявлении не только дискурса, но и действий более широкого плана, а не толь-

7 Branine N. Op. cit.

8 В Женеве, Лионе, Париже, Нанте, Лилле, Брюсселе, Льеже, Лувэне, Кельне, Цюрихе, Амстердаме, Роттердаме, Лондоне, Лейсестере, Стокгольме, Милане, Мадриде, Барселоне, Кордове, Гренобле.

9 В результате опрос помог нам выявить: а) кто эти практикующие мусульмане; б) их влияние на общину; в) в каком дискурсе они находятся; г) их характеристики; д) их требования; е) их идеи и конкретные действия; ж) их контакты с другими мусульманскими сообществами, с сообществами немусульман, с авторитетами мусульманских общин; з) их цели; что, на их взгляд, ислам может принести в Европу.

10 Даже если некоторые из братств активны в социальном плане, они не включены в европейский дискурс. Ассоциация «Таблиг» также не будет фигурировать в нашем исследовании, так как основным направлением ее деятельности является религиозная проповедь внутри мусульманской общины, построенная на примерах из жизни Пророка, направленная на приобщение молодежи к религиозной практике. Несмотря на попытки изнутри изменить характер движения, предпринимаемые некоторыми членами ассоциации (такими, как Абдельрауф Бенхалима), тем не менее оно не отвечает нашим критериям (устное сообщение Оморо Маронджиу (Omoro Marongiu), 16 октября 1998 г., Лилль).

ко внутри этой элиты. Это необходимо для того, чтобы представить неизбежный ход развития мусульманских общин Европы. Именно к этому интеллектуальному течению можно отнести — в большей или меньшей степени — большинство практикующих мусульман.

Исходя из того, что подавляющее большинство европейских мусульман не являются практикующими, а некоторые представители молодого поколения считают себя и нерелигиозными, нам следует определиться с тем, кого же из наших «мусульманских респондентов» мы включаем в референтную группу. Для «непрактикующих» мусульман фундаментальное право свободы вероисповедания, гарантированное законом, полностью оправдывает их ожидания, тем более что отсутствие противоречий с обществом и государством позволяет им пользоваться всеми благами свободы совести, соответствующими их личным потребностям. Далее, если мы оставляем за скобками один или два процента мусульман-фанатиков, которые не будут удовлетворены до тех пор, пока в Европе не восторжествует «закон Божий», то мы получим 15-20 %¹¹ от мусульманской общины в зависимости от страны. К тому же «мусульманские активисты» имеют больше шансов на диалог с властью в тех случаях, когда речь идет о вере, практике и взаимодействии между религиозными и светскими институтами.

Согласно Феличе Дассетто, самих практикующих мусульман можно статистически или типологически разделить (хотя это и весьма сложно) на три группы: «активно практикующие», «практикующие дома» и «условно практикующие»¹². В свою очередь, Жослин Сезари разделяет тех, кто, будучи светскими людьми, сохраняет культуру ислама, и тех, кто переносит ислам в социальную сферу, т.е. «неоортодоксов»¹³. Другие исследователи также определяют активных мусульман как представителей «неообщинного»¹⁴

11 По данным проводившихся во Франции опросов: в 1989 г. агентством SOFRES для журнала «Nouvel Observateur», в 1994 г. агентством IFOP для газеты «Le Monde» (который выявил 27 % практикующих), а также по опросу INED от 23 марта 1995 г. со следующим результатом: 14 % — практикующих среди детей иммигрантов (10 % среди мальчиков, 18 % среди девочек). Эти опросы подтверждают результаты наших исследований, проведенных при помощи общинных лидеров, с которыми мы встречались.

12 Dassetto F. Europe: l'islam nouveau est arrivé // Vivant univers. Sept.-oct. 1997.

13 Cesari J. Musulmans et républicains. Bruxelles, 1998. P. 63

14 Khosrokhavar F. Op. cit.

ислама, «неофундаменталистов»¹⁵. Это отсутствие ясности, или скорее даже переизбыток определений, требует определенности, если не терминологической, то уж как минимум по существу. Несмотря на расхождения в терминологии, описывающей интересующую нас группу мусульман, по-новому относящихся к своей вере, стремящихся отойти от сектантского видения и от этничности их родителей ради того, чтобы отстаивать права ислама, свободного от различий культурных традиций. Все те, чьи слова приводились в этой статье, сходятся во мнении, что будущее европейского ислама — именно за социально активными мусульманами. Они присоединяются к заключению одного лионского наблюдателя, утверждавшего несколько лет назад, что «сегодня мы наблюдаем за тем, как рождается ислам молодых, большинство из которых — самоучки. Вот уже 15 лет наблюдая за этим движением молодых мусульман, я замечаю, как оно растет и зреет. Эта молодежь имеет склонность к рефлексии и спиритуальности, и это ни в коей мере не подразумевает под собой экстремизма... Именно они будут формировать образ французского ислама в ближайшие 15 лет»¹⁶.

Этих молодых мусульман характеризует очень сильная укорененность в местах их проживания, тесная связь с родиной и мобилизационные возможности, существующие благодаря их тесной связи с исламской общественной деятельностью. Молодежь осознает проблемы и ситуации, с которыми сталкиваются мусульмане непосредственно в их кварталах, в их городах. Итак, в нашем исследовании мы все-таки отдадим предпочтение термину «мусульманский активист» (*musulman engagé*). Мусульманский активист — «это тот, кто знает и усердно практикует принципы ислама в личной жизни, религиозной, в отношениях с другими, тот, кто всегда этим принципам верен. Это тот, кто берет на себя обязательства справедливости и старается во благо других и своего окружения»¹⁷.

При обсуждении состояния центров исламской жизни в сегодняшней Европе и того, какими они должны быть, эти мусульмане, активно пред-

15 Roy O. Le néo-fundamentalisme islamique ou l'imaginaire de l'Oumma // Esprit, апрель 1996; Он же. Naissance d'un islam européen // Esprit. Janvier, 1998.

16 Интервью со священником Кристианом Делормом, вышедшее в журнале «Islam de France» (1999, № 1. P. 122).

17 По высказыванию Тарика Рамадана во время конференции «Ислам и гуманизм», проходившей в 1997 г. на стадионе Роуз-Хилл на о. Маврикий.

ставляющие свои общины будут готовы к позитивному диалогу с представителями власти. Таким образом, возможность встречи и обсуждения социальных и образовательных инициатив сможет облегчить достижение понимания и сотрудничество в конкретных проектах.

КТО ОНИ?

Очень сложно обрисовать типичный портрет ангажированного мусульманина. В массе своей это молодые люди, родившиеся в Европе, за плечами у некоторых из них весьма сложный жизненный путь, непростые духовные переживания, которые они испытали, прежде чем прийти к равновесию в отношении своей веры и европейской идентичности. Некоторые же унаследовали основы религиозной традиции у своих родителей и, после успешного обучения, нашли свое призвание в жизни мусульманской общины, что стало для них логическим продолжением личного развития. Также можно встретить молодых людей, родившихся в Магрибе, Турции или на Ближнем Востоке, получивших высшее образование в европейских университетах и оставшихся жить в Европе. Они получили религиозное образование в стране, откуда они родом, у них есть высшее образование, и они хорошо знают европейское общество. Они были верующими и до приезда в Европу, где они просто продолжают заниматься тем, чем занимались на родине (часто вместе с земляками). Среди них есть и представители старшего поколения (в возрасте от 50 до 60 лет), которые, как правило, заняты в более традиционных учреждениях: мечетях или исламских культурных центрах (например, в Женеве, Экс-ля-Шапеле, Париже, Лондоне). Некоторые из них, анализируя свой богатый личный опыт и неплохо разбираясь в общеевропейском контексте, приходят к новому видению своего присутствия в немусульманском обществе. И, наконец, есть и новообращенные мусульмане, у которых за плечами нередко католический духовный опыт. В первое время они очень строго соблюдают не только обычай одеваться и питаться в соответствии с установлениями Корана, но и придерживаются традиционных трактовок коранического текста. Со временем их позиция становится более мягкой, но они по-прежнему соблюдают основные положения Корана и профетической традиции.

Что же объединяет столь разных людей? Помимо общей веры мы можем выделить следующие элементы: регулярная практика, хорошее

знание ислама, достаточно высокий социокультурный уровень и уровень интеграции, низкая конфликтность, успешная карьера (как правило, среди них есть доктора, преподаватели, директора школ, социологи, издатели и т.п.). И они действительно много делают во имя общины и ислама.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА

Начиная с 1990-х гг., т.е. с того момента, когда новое поколение мусульман взяло на себя ответственность решать определенные проблемы, связанные с образованием, маргинализацией, отрицанием их религии, сложностями, связанными с практикой культа и средой, враждебно настроенной по отношению к религии, можно констатировать определенную эволюцию. Тот факт, что новые поколения мусульман, родившиеся и выросшие во Франции или других европейских странах, стараются лучше понять ислам, представить его практику в зависимости от контекста, в котором они находятся, может пролить новый свет на обычное восприятие ислама в западных обществах. Оригинальность этой новой встречи ислама и Европы несколько затуманивает наш подход. Мы не можем исходить из установившегося мнения, о том, что именно хотели бы практиковать и чему следовать в немусульманском контексте, это не тот случай. Также мы не можем исходить из мнения мыслителя или духовного учителя, который мог бы нам описать основы исламского европейского дискурса; такого человека не существует, и сама идея его существования противоречит исламу (по крайней мере исламу суннитского толка). То есть мы должны иметь в виду различные исторические референции (реформистское движение, современные авторитетные имамы), референции и дискурсы в различных контекстах (личности, интеллектуала и европейских имамов), жизненные пути, связь с родиной, «почвой», чтобы выявить основные пункты европейского исламского дискурса.

Эти молодые общинные лидеры являются движущей силой изменения европейского мусульманского контекста: личный опыт и социальный контекст повлияли на веру, прежде чем стать толчком к социальной вовлеченности, рефлексии и выработке дискурса. Это уже не работники-эмигранты с ограниченными финансовыми возможностями и недостаточным социокультурным багажом, которые приехали в Европу на заработки, чтобы помогать семьям, оставшимся на родине, что предполагало возвращение с небольшим капиталом,

заработанным тяжким трудом. Сейчас это новое поколение, рожденное и выросшее в Европе, желающее строить будущее здесь. На протяжении уже нескольких десятилетий идея возвращения на родину отброшена в пользу желания интеграции в европейское сообщество. Присутствие мусульман становится все более видимым, это уже не проблема скрываемого ислама работников-холостяков, теперь это целые семьи, живущие в Европе и желающие иметь собственные места для отправления культа, школы и участки на кладбище, но больше всего и прежде всего — признание их прав быть мусульманами, участвовать в разрешении городских проблем и быть признанными обществом, несмотря на их отличия.

Десять лет — это слишком небольшой срок для того, чтобы произошли определенные изменения в восприятии немусульманами мусульман. Этого также слишком мало и для того, чтобы мусульмане приняли новую социокультурную реальность, с которой они столкнулись. С одной стороны, мы переживаем период перехода от мелко-общинного образа жизни представителей старшего поколения, находившегося под влиянием ислама их страны и этничности и с опаской относящихся к остальному обществу, а с другой стороны, это время напора молодых мусульман, борющихся одновременно и за свое право на веру, и за европейскую идентичность. Различия неизбежны, и только время сможет загладить нынешний конфликт поколений.

В результате этой эволюции появляется больше мечетей и центров традиционной культуры, а также молельных комнат, помещений для общинных объединений; количественные изменения переходят в качественные, что влечет за собой формирование нового образа европейского ислама. Эволюция, которую можно было наблюдать в Великобритании, иллюстрирует процесс¹⁸, в результате которого появляются организации, понемногу завоевывающие доверие местного населения. Как во Франции, так и вообще в Европе, основной элемент этой эволюции опирается на представителей нового поколения, более уверенных в себе,

18 Введение в начале 1980-х гг. общей политики, благоприятствующей возникновению мультикультурного общества путем увеличения ресурсов выделенных группам меньшинств, частично объясняет рост числа общинных ассоциаций и особенно организаций: Союз мусульманских организаций Великобритании и Ирландии (УМО), Исполнительный комитет по делам ислама в Великобритании (УКАСИА), а также European Islamic Council, которые имеют значительное влияние и вес в глазах как мусульман, так и немусульман.

пользующихся преимуществами двух культур, лучше знающих свои права и постепенно замещающих старшее поколение в общинных ассоциациях. Все французские движения — UJM (Union des Jeunes Musulmans — «Союз молодых мусульман») в Лионе или JMF Jeunes Musulmans de France — «Молодые мусульмане Франции»), британское движение YM (Young Muslim — «Молодой мусульманин»), а также SMR (Conseil des Musulmans de Suède — «Совет мусульман Швеции») и, наконец, MMS (Musulmans et Musulmanes de Suisse — «Мусульмане и мусульманки Швейцарии»), — так или иначе сходятся в требовании, выраженном на страницах «Jeunes Musulmans»: «Мы требуем реализации нашего права, записанного во Французской конституции, свободно практиковать нашу религию, а также, будучи полноправными гражданами, вносить свой вклад в общенациональное дело строительства во Франции нового общества: мирного, толерантного и братского...»¹⁹.

Во время форума, состоявшегося в 1997 г., Фарид Абделькрим (президент JMF) так обрисовал цели ассоциации: «Мы строим здесь будущее, руководствуясь волей Божьей, но тот факт, что JMF руководствуется Словом Божьим, еще не значит, что мы ставим законы Божьи выше законов Республики. Быть хорошим мусульманином — это быть хорошим гражданином. Мы во Франции, а не в Бангладеш или Соединенных Штатах, существуют специфические реалии, которые должен учитывать каждый мусульманин, решивший жить здесь...».

Восприятие себя как активного свидетеля внутри преимущественно немусульманского общества проявляется в словах двух женщин-мусульманок, активисток своей организации. Батул Аль-Тома из Британского исламского общества сказала нам: «Мы должны признать, что нам повезло, потому что мы можем пользоваться сразу многими культурными традициями, которые формируют европейскую реальность и которые влекут нечто вроде соревнования, способного улучшить нас и, более того, освободить от всех недостатков этих культур». Во время нашего пребывания в Стокгольме Элеонор Бенада подтвердила слова нашей предыдущей собеседницы: «Европейский контекст вынуждает индивидуума подчеркивать свою религиозную принадлежность, так как, с одной стороны, отсутствует религиозное принуждение и, с другой стороны, гарантируется конфессиональный нейтралитет.

19 Jeunes Musulmans. 1994. № 1.

И часто это вызывает более искреннее отношение к своей вере».

Значительная часть формирующегося сегодня третьего поколения репрезентирует себя уже не как алжирцев, бенгальцев или пакистанцев, но как мусульман²⁰. Первые поколения культивировали миф о возвращении, религиозную и культурную практику, которая базировалась в большей степени на обычаях и традициях семьи или деревни, чем на Коране и пророческой традиции. Представители младшего поколения (по крайней мере, часть из них) соблюдают религиозные предписания более строго, чем старшее поколение. Несмотря на то, что они хорошо владеют французским, английским, немецким, шведским или голландским, несмотря на то, что часть их культуры европейская, они все же отстаивают свое право на исламскую идентичность. Уже недостаточно просто родиться мусульманином, «они хотят знания и религиозного опыта; открыть в себе исламскую идентичность, основанную на единстве и универсальности веры»²¹. Это двойное требование — желание знать собственную веру, сопровождаемое волей постоянно действовать в социальном, культурном, экономическом, т.е. политическом плане, — в Великобритании вдохновляется идеями маулана Маудуди²². В большинстве других европейских стран идеологическим ориентиром является Хасан Аль-Банна и идеология движения «Братьев-мусульман». Отметим лишь основные направления обоих движений. Идеология, основанная мауланом Маудуди, настаивает на необходимости сохранения исламской идентичности, позволяющей человеку жить в гармонии с реалиями общества и требованиями веры, через религиозное образование. «Братья-мусульмане» призывают усилить единство общины путем максимального расширения религиозной практики при открытости другой части общества. Последние же, руководствуясь индивидуальными соображениями и наблюдениями и исходя из связи с реальностью контекста, преследуют цель — найти свое место и внести посильный вклад в дело ислама.

20 Geaves R. *Sectarian Influences within Islam in Britain* (диссертация, защищенная в университете Лидса, 1996 г., не опубликована).

21 Geaves R. *Op. cit.*

22 Параллельно со своей политической деятельностью в Пакистане, Маудуди много писал о положении ислама в немусульманском обществе. Существующие связи между организациями, относящими себя к его идеям, и движением «Джамаат-и ислами» в Пакистане сегодня носят преимущественно идеологический и духовный характер.

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА

Мы хотим подчеркнуть именно содержание дискурса, возможность его передачи от активистов к остальным и также конкретные действия, предпринятые для воплощения этого дискурса в жизнь, а не индивидуальные жизненные пути или типологию внутри мусульманской общины. Первый элемент этого дискурса связан с образом мусульманина и места ислама в Европе. Среди многих мусульман и немусульман распространено мнение, что ислам в принципе невозможно интегрировать в европейское общество, так как он ему абсолютно чужд. Однако, если наследие иудеохристианской цивилизации неоспоримо, то и влиянием исламской цивилизации пренебрегать нельзя. Присутствие мусульман в Испании и на Сицилии в Средние века способствовало расцвету и развитию идей европейского Возрождения. Справедливо напомнить о вкладе исламской цивилизации в европейскую культуру — это идеи Аверроэса и шедевры архитектуры, которые пережили превратности истории, войдя в общечеловеческое наследие. Признание этого вклада может быть плодотворным для всех — и для европейцев, потому что таким образом они смогут обогатить свою культуру и более спокойно воспринимать ислам, и для самих мусульман, поскольку осознание общей истории поможет им принять новую реальность и позволит рассматривать свое присутствие в Европе не как аномалию, а как продолжение общей истории, в которой были не только конфликты. Сегодняшний феномен мусульманского присутствия в Европе сравнительно молод (это всего два или три поколения), но на местном уровне уже существуют подвижки, которые позволяют предвидеть возможность сосуществования.

На «мусульманском активисте» лежит двойная ответственность. С одной стороны, для того чтобы новый диалог был возможен, он должен своими словами и действиями изменить тот негативный образ, который активно формируют средства массовой информации. С другой стороны, внутри самой мусульманской общины необходимо поддерживать такое позитивное восприятие своей веры, которое было бы конструктивным как для каждого мусульманина, так и для общества в целом. Большинство наших собеседников подчеркивали важность этого двойного вклада в социальное развитие.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Фундаментальный элемент дискурса мусульман-активистов связан с мусульманской идентичностью, с ее определением в европейском контексте. Именно в этом основная черта тенденции: вернуться к принципам веры, исламским идеалам прежде, чем задумываться о присоединении и приспособлении к современной культуре Европы. Европейский контекст, в котором гарантированы свобода совести и право на отправление религиозных культов, является первым шагом к определению мусульманской идентичности, выраженной в отношении к Богу, так как прежде всего ислам — это вера, духовность и практика, которая не вступает в противоречие с европейским законодательством.

Поскольку свобода гарантирована, мусульманская идентичность требует «...знания текстов и понимания контекста. Мусульмане должны связывать хорошее знание своих идеалов с осознанием европейского общества»²³, т.е. необходимо, чтобы мусульмане, живущие в Европе, постарались понять общество, в котором они живут. Это не означает необходимости принимать все его свойства, но означает знание того, как устроено это общество, для того чтобы легче найти там свое место.

Еще один элемент, сформулированный общинными лидерами, с которыми мы разговаривали, заключается в воспитании и образовании. Ислам — это послание, которое нужно изучать и передавать своей семье и своему окружению, послание, которое нужно углублять и воплощать своими действиями. Вера, которая требует свидетельства, адекватного поведению. Свидетельство же — это четвертая, и основная, составляющая мусульманской идентичности (какой ее описывает интересующее нас течение), свидетельство действием и участием: «Быть мусульманином означает действовать в свете своей веры. Мусульманин-активист должен участвовать в социальной жизни любого общества, в котором он живет, независимо от того, является оно исламским или нет. Он должен действовать в интересах общества»²⁴. Имея в виду такую концепцию исламской идентичности, основанную на четырех пунктах (вера, духовность, практика; понимание текста и контекста; воспитание

и преемственность традиции; действие и участие), можно ли утверждать, что она является гарантированной в европейском обществе? Вне всякого сомнения, право на отправление религиозного культа признается всеми европейскими законодательствами. Право на образование позволяет мусульманам учиться и воплощать в жизнь свои намерения. Свобода собраний обеспечивает мусульманам возможность собираться, создавать организации и обсуждать способы улучшить свою жизнь. Наконец, гарантировано право прибегать к закону для защиты своих законных прав, как и другим гражданам. Все это является основными достижениями западных обществ. С юридической точки зрения здесь не должно быть непреодолимых проблем, напротив, европейское общество гарантирует многочисленные права, которые мусульманские общества не в состоянии предоставить своим гражданам, но суть не в этом. Менталитет меняется значительно медленнее, чем законы. Кроме того, трудные социально-экономические условия, в которых все еще живут многие мусульмане, а также события международного масштаба, затрагивающие мусульманский мир и тенденциозно освещаемые средствами массовой информации, мешают беспрепятственной эволюции восприятия ислама европейцами.

КОНКРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Когда речь идет об опросах общественного мнения по определенному вопросу или о конкретной проблеме, как, например, мусульманские участки на кладбищах или ношение хиджаба, с властями общаются привилегированные собеседники в лице представителей центральных мечетей, которые олицетворяют официальный ислам и часто связаны с иностранными государствами, но пользуются давностью пребывания на территории. Тем не менее эти институты уже не являются единственными представителями мусульманской общины. Наряду с местными представителями все более возрастает значение новых ассоциаций, которые являются очень активными и напрямую общаются с властями.

В различных европейских странах, которые видят волю своих ангажированных мусульман к участию в развитии общества, появляются обнадеживающие примеры важных инициатив, которые делают возможными диалог, сотрудничество и взаимоуважение. Мы приведем здесь только некоторые из них.

23 «Etre musulman européen», Tariq Ramadan, кассета № 4 // Questions actuelles. Vol. 019. Lyon: Edition Tawhid, 1998.

24 Там же.

Так, в Швеции на политическом уровне мы наблюдаем на протяжении нескольких лет новую инициативу: Социально-демократическая партия ведет переговоры с представителями SMR («Совета мусульман Швеции») с целью включения комитета мусульман в партию, где они присоединятся к группе христианских демократов. Замысел не в том, чтобы создать партию мусульман, но в том, чтобы мусульмане участвовали в существующих политических структурах, что даст им большие шансы на представительство и успех. В основной же массе европейских стран дискуссии с политическими властями часто разворачиваются на местном уровне.

В социальном же плане интерес представляет организация, базирующаяся в Кельне, созданная на основе турецкого движения Milli Görüs EMUG e.V. (Europäische Moscheebau und Unterstützungsgemeinschaft). Эта ассоциация объединяет 650 мечетей Германии и занимается покупкой новых участков, строительством новых мечетей, содержанием существующих мечетей и координацией различных культурных мероприятий.

В Англии Исламский фонд Лейстера (создан в 1973 г. Куршидом Ахмадом и Ахмедом Насируддином) играет ведущую роль в улучшении отношений между разными общинами. У него много задач: прежде всего фонд должен стать центром образования, воспитания и собрания для мусульман и немусульман; в центре изучают арабский язык, Коран, проводятся семинары для социальных работников и полицейских, чтобы познакомить их с мусульманской культурой, также всегда открыта для публики впечатляющая библиотека. Общую цель работы фонда выразила Батула Аль-Тома, ответственная по связи с новообращенными: «Мусульмане должны понимать, что труд истинно верующего — это труд на благо всего общества, а не только на благо общины. Мы должны искать сотрудничества, понимания и диалога с другими». Фонд также является центром научных исследований в разных областях (экономика, межрелигиозный диалог, ислам в Европе и Центральной Азии). И, наконец, фонду принадлежит издательство, которое публикует не только произведения Маудуди и общие исследования по исламу, но также журналы и детскую литературу. Благодаря серьезности работы и качеству своих публикаций фонд добился несомненного уважения внутри мусульманского сообщества, и его сотрудники пользуются уважением и призна-

тельностью как со стороны властей, так и научного мира²⁵.

В рамках отношений с немусульманскими организациями участие молодежи из UJN и *Présence Musulmane* («Исламское присутствие») в образовательной лиге Франции также является впечатляющим жестом открытости и стремления к диалогу с обеих сторон.

Именно в социокультурном поле мы находим самые интересные и новаторские инициативы. Помимо многочисленных книжных магазинов и библиотек, организованных ассоциациями (*Tawhid* в Лионе, *AMIS* в Милане, *SMR* в Стокгольме, Женевский исламский центр, *EMUG* в Кельне), мы хотели бы отдельно отметить три особенно оригинальных проекта: во Франции это прежде всего продюсерский центр, созданный по инициативе членов *JMF*, который работает с мусульманскими музыкантами, театральными труппами и молодыми режиссерами, несущими идеи ислама. В Милане *Fondaco di Mori* стремится пробудить у итальянцев интерес к богатству исламской культуры посредством ресторана. Прибыль, получаемая рестораном, позволяет финансировать другие виды деятельности ассоциации (библиотеки, конференции, выставки). «Нужно преодолеть фобию запрещенного, которая вредит общине. Невозможно запретить все, и я с удовлетворением замечаю позитивные изменения среди улемов, которые одобряют то, что мы уже практикуем в спорных областях, таких как отношение к женщинам, диалог, социальная активность, питание... Как мы должны позиционировать себя в итальянском обществе? Что я хочу делать и что я могу делать? Как изменить мусульманскую общину, которая стоит на неверном пути? В Европе мы должны были импровизировать, во многих случаях практика предшествовала теории. Послание Корана — не только дискурс, но скорее это поведение и точка зрения»²⁶. Хасан Аеш из Голландии предлагает совместить идеи ислама с движением скаутов: «Движение скаутов — это альтернатива, которую мы можем предложить молодым. Альтернатива не сугубо исламская, но содержащая в себе некоторые элементы и принципы исламского воспитания. Движение скаутов — это идеаль-

25 Сотрудничество с CRE («Комитетом за равноправие») городскими властями Лейстера и центром изучения истории религий Лейстерского университета за успешную инициативу было удостоено высшего диплома «за плюрализм и культурную идентичность».

26 Интервью с Али Шуцем, Милан, октябрь 1998 г.

ное дополнение к воспитанию, которое дети получают, или не получают, дома или в школе»²⁷.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО КАК ВЫЗОВ

В заключение мы постараемся выделить некоторые проблемы, поставленные мусульманскими активистами. Во-первых, речь идет о проблеме, с которой сталкивается европейская мусульманская община, в особенности молодежь. Она заключается в сложности их позитивной интеграции в европейское общество, в том, чтобы быть одновременно европейцами и мусульманами, не создавая при этом противоречий. Все общинные лидеры, у которых мы брали интервью, единодушно утверждали, что в Европе возможно быть практикующим мусульманином и что необходимо, чтобы мусульмане признавали общественный и моральный договор между ними и обществом, которое им необходимо уважать. Тут появляются два препятствия.

Препятствие на духовном уровне состоит в том, что многие внутри этого светского европейского общества (как мусульмане, так и немусульмане) желают, чтобы противоречия внутри мусульманских общин были преодолены, а проявления духовности в обыденной жизни не были бы исключительными в каждом отдельном случае. Препятствие на уровне семьи состоит в том, что ей необходимо вернуть ведущую роль. Те представители общин, с которыми мы общались, отводят центральное место не школе (будь исламская она или нет), не мечети, но именно семье²⁸. Здесь мы затрагиваем темы, значимые с точки зрения сосуществования — смешанные семьи, статус женщины, гомосексуальность, аборт, эвтаназия, другие важные общественные вопросы и то, как на них будет реагировать мусульманская община.

Сегодня в Европе участие мусульманских женщин в исламских ассоциациях минимально, но никто в этом вопросе не сможет отрицать наличия позитивной динамики. Мы еще увидим, как возрастет количество мусульманок, участвующих в социальной, культурной, профессиональной и политической деятельности. И даже если внутри самой мусульманской общины стремления этих женщин участвовать в жизни общест-

ва наравне с мужчинами могут препятствовать, это сможет лишь замедлить данный процесс, но не остановить его. Доступность обучения и профессиональной сферы способствует тому, что все больше и больше женщин принимают активное участие в семейной, общинной и социальной жизни: «Считать, что женщины-мусульманки — всего лишь послушные наблюдательницы, означает недооценивать силу религиозного бунта»²⁹.

Не упуская из виду главных целей — развития личности и гармонии в семье, — мусульманки будут бороться за более справедливое распределение прав и обязанностей как внутри семьи, так и в профессиональной сфере. Тем более что вопрос о положении мусульманской женщины в обществе является чрезвычайно важным в рамках дискурса о будущем ислама в Европе. Процесс эмансипации мусульманок идет, хотя и имеет непривычные для нас формы.

Финансовая независимость (еще один фундаментальный аспект) — единственный фактор, который сможет гарантировать независимость и прозрачность работы предприятий. Этот фактор будет очень способствовать автономизации европейского ислама, независимости от исконно исламских стран, которые всегда жаждут контроля над европейскими собратьями по вере. Это требование влечет за собой вопрос об общинной идентичности. Идентичность рискует рассыпаться на множество составляющих, из которых нужно будет выбрать те, которые позволят ей гармонично развиваться.

Мусульманские активисты также стремятся обеспечить свою финансовую независимость с целью укрепления межобщинных связей и развития культуры диалога в мусульманском сообществе. Это может способствовать созданию общеевропейской сети на основе взаимного сотрудничества и осмысления общих проблем, которая могла бы стать базой для возникновения единого европейского ислама. Мусульманские активисты борются за право интеграции на локальном (городском) уровне, т.е. за право жить и действовать сообща, не обращая внимания на религиозную, принадлежность, защищать общие ценности и демократический опыт, право на работу, жилье и образование: «Действовать сообща в наших кварталах, привлекая всех сочувствующих, для того чтобы каждый гражданин — мусульманин или нет — мог участвовать в локальной политической жизни,

27 Интервью с Хасаном Айшем, Роттердам, 21 октября 1998 г.

28 Интервью с Ямином Макри, лидером UJM, 28 октября 1998 г. См. также его статью в «Islam de France» (1998, № 2. P. 86).

29 Mernissi F. El miedo a la modernidad y democracia. Madrid: Edicion del Oriente y del Mediterraneo, 1992. С 220.

чтобы соблюдался необходимый минимум гражданских прав, чтобы не было дискриминации в отправлении культа. Тогда демократические ценности обретут смысл»³⁰.

Мы далеки от того, чтобы бить тревогу по поводу исламизации Европы и не придерживаемся той точки зрения, что мусульмане-«исламисты» никогда не интегрируются в европейское общество.

И, несмотря на то, что в нашем исследовании речь идет о 15-20 % от общего числа общины, это важно для понимания тенденций развития европейских мусульман. Тем более что они не только далеки от сепаратизма и отчужденности, но, напротив, выдвигают немало интересных инициатив, способных повлиять на ход дискуссий об исламе в европейском обществе.

---

30 Makri Y. Sur l'évolution des jeunes musulmans et leur pratique // Islam de France. 1998, № 2. P. 86.